

КАК ЖИЛОСЬ РОССИЙСКОЙ СОЛДАТКЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914—1918 гг.)

Как справедливо заметил немецкий историк А. Людтке, исследователями повседневной жизни делается упор на поступках и страданиях тех, кого обычно называют «маленькими, простыми, рядовыми людьми». Центральными в анализе повседневности являются жизненные проблемы тех, кто в основном остались безымянными в истории¹. Была ли российская женщина-солдатка «незаметной» и «забытой» во время Первой мировой войны 1914—1918 гг.? Как протекала ее повседневность? Что определяло восприятие самой женщиной окружавшей ее действительности? Какая помощь и как оказывалась осиротевшим солдатским семьям, и как солдатки решали свои житейские проблемы?

Ответы на эти вопросы могут быть получены только путем кропотливого изучения значительного массива источников по истории Первой мировой войны, так как аспекты повседневности солдатских жен не часто отражались в сознании современников и описаниях тыловой жизни. На эту незаметность женской повседневности в годы войны указывали еще в 1914 г. и современники: «...Очень немного сведений проникает в печать о женщинах из простонародья — крестьянках, рабочих и мещанках. Но именно на них-то и лежит главная тяжесть войны. И среди них так много самопожертвования и героизма. Скучность же сведений о них попросту объясняется тем, что их жизнь протекает в тени, не бросается в глаза. Женщина-простолюдинка — это та “Орина, мать солдатская”, которая не любит говорить о себе»². Высказывались надежды, что «в свое время по окончании войны станут известны имена всех тех женщин, которые самоотверженно выполняли на необъятных просторах России всю сложную и трудную работу»³. Однако и сегодня исследователям военного лихолетья российской истории стоит признаться в том, что благодарность и справедливость российской женщине, взвалившей на себя все тяготы и лишения военной поры, не высказана и не восстановлена. Подвиг и самопожертвование тыловой провинциальной россиянки, повседневная жизнь солдатки, незаметное подвижничество и духовное благородство, милосердие и человеколюбие женщин России в период Первой мировой войны и сегодня призывают, требуют от историков глубокого и системного изучения данной проблемы, прежде всего в рамках повседневно-бытовой культуры, образа жизни россиянок военной поры.

Периодическая печать военных лет имеет важнейшее значение в описании будней солдаток, их настроений и быта, и именно этот источник является наиболее информативным и объективным при реконструкции повседневности россиянок военной поры. Заметим, что именно пресса первой отреагировала на обретение женщинами, неожиданно для всех, в тяжелое военное время фактического равноправия в профессиональной сфере. Понятно, что идея о «благоприятствовании» военных условий для женской повседневности может встретить серьезные возражения, так как война и ее последствия — мобилизация сыновей, отцов, мужей, гибель близких и родных людей на фронте, лишения и бедствия в тылу — несут наибольшие страдания именно женщине, традиционным привычным семейным устоям, но все-таки эта великая Разрушительница — Первая мировая война «помогла» женщине стать иной, предоставила возможность реализовать себя в новом качестве, как профессионально, дав доступ к недоступным ранее профессиям и специальностям, так и в гражданско-правовом смысле, ибо бабьи сходы, «бабье царство», женские общественные организации обрели «плоть и кровь», став неотъемлемой частью повседневной жизни военного времени. Поэтому, наверно, не случайно одна из статей в «Женском вестнике» была названа «Открытие

---

¹ Alltagsgeschichte. Zur rekonstruktion historischer Erfahrungen und Lebensweisen / Alf Luedtke (Hg.). Frankfurt Main; N. Y.: Campus Verlag, 1989. S. 9.

² Богданов А. Война и женщина. СПб., 1914. С. 32.

³ Там же. С. 32.

Америки». В ней отмечено, что «в деревнях и городах мужчины открывают Америку по отношению к женщинам. Они с изумлением убеждаются, что женщины способны делать то же самое, что и мужчины...»⁴.

Рассмотрим это одно из самых впечатляющих изменений в период войны в жизни российской женщины — расширение доступа к «запретным» ранее профессиям, которые традиционно считались чисто мужскими⁵. Конечно, массовые мобилизации мужчин, образование многочисленных вакансий, дефицит рынка труда подталкивали правительство, местные власти и работодателей к новому для самих себя делу — привлечению женщин к новым профессиям⁶. Министерства и ведомства Российской империи вынуждены были вносить изменения в инструкции и положения о возможности применения женского труда. Так, Министерство путей сообщения разрешило начальникам дорог принимать женщин на конторские должности, проводниками, истопниками, чистильщиками паровозов. Женщины допускались в мастерские и на участки тяги⁷. На Владикавказской железной дороге в г. Новороссийске большую часть рабочих в ремонтных мастерских составляли женщины-солдатки. Как отмечали журналисты, труд это нелегкий, но женщины справляются не хуже мужчин⁸.

Министр земледелия в свою очередь издал специальный циркуляр о привлечении женщин к работам в казенных лесах, как отдельных лиц, так и женских артелей. Причем, и на должности приказчиков, нарядчиков, десятников и старших рабочих назначались женщины⁹.

О появлении «приказчиках в юбках» сообщали многие печатные издания¹⁰. Женщины охотно брались за любую работу, и вскоре уже после начала войны можно было увидеть женщину — строителя, лесоруба, водовоза, дворника, рассыльную, парикмахершу и т. д. Для обывателей, да и для самих женщин подобные перемены были новым невиданным явлением. Они ломали устоявшиеся стереотипы и во многом сформировали основу равноправия полов в трудовой сфере, которая была реализована в России в 1917 г. Заметим, что на третий год войны «сдалась» женскому труду и самая консервативно настроенная часть российского общества — духовенство. Епархиальное начальство получило разрешение Святейшего Синода «допускать женщин к исполнению псаломщических обязанностей с установленными для лиц женского пола каноническими ограничениями». Женщин стали допускать и к церковному делопроизводству, правда, без

---

⁴ Женский вестник. 1916. № 1. Январь.

⁵ Современники отмечали «небывалое применение женского труда, которого до сих пор еще не знала Россия. Из разных губерний идут сообщения, что... удалось убрать урожай, благодаря исключительной работоспособности русской женщины. Ушедших на войну мужчин и парней с полным успехом заменили бабы и девки... В деревнях главным образом женщины взяли на себя труд оказания помощи семьям, которые благодаря войне остались без кормильца: таким семьям помогли убрать урожай девки из дворов односельчан... В настоящее время поступают сообщения, что и реализация урожая в нынешнем году производится женщиной... Оказывается, и в этой области сельскохозяйственной деятельности страны женщина без всякого ущерба заменила мужчину. Старосты, сотские и другие чины деревенской администрации призваны, и пока были назначены выборы, за ушедших исполняли все их административные обязанности женщины с полным знанием дела. Сама администрация тотчас же за мобилизацией поспешила допустить женщин к исполнению тех обязанностей, которые... до настоящего времени составляли исключительно привилегии мужчин: право женщин-швейцаров занимать их должности: кондукторов в трамвае, приказчиков в торговле; в гостиницах, трактирах и чайных мужская прислуга заменена женской. ...Женщина доказала свою способность исполнять мужские работы, к которым она не допускалась. Это мирное завоевание женщины...» (Скворцов Н. А. Война и мирные завоевания женщины. СПб., 1914. С. 7—8).

⁶ Подробнее об этом см.: *Mcdermid J. and Hillyar A. Women and Work in Russia 1870—1930.* London, 1998. P. 139—157.

⁷ Воин и пахарь. 1916. № 10. С. 8.

⁸ Там же. № 45. С. 11.

⁹ Там же. № 10. С. 8.

¹⁰ По отзывам торговцев, «приказчики в юбках» справляются со своими обязанностями ничуть не хуже мужчин (Тамбовский край. 1915. 16 сент.).

права подписи¹¹. В некоторых губерниях обязанности псаломщика стали исполнять жены священников или учительницы сельских школ, а то и просто грамотные женщины¹².

Современники-мужчины с ехидством замечали, что «после борьбы с немецким засильем, мужчинам предстоит бороться еще с бабским засильем»¹³. Заметим, что и в других воюющих государствах отмечалась тенденция завоевания женщинами новых профессий, чувство свободы и ответственности. Война рушила все запретные барьеры в профессиональной сфере, внося новый импульс в женскую повседневность¹⁴.

Новым и важным фактом проявления женской самостоятельности в военные годы было обретение солдатками экономической, а ряде случаев и общественной самостоятельности и самодеятельности. Имеется в виду то, что многие солдатки, видя безвыходность положения и не надеясь на земскую или общественную помощь, брали хозяйство в свои руки¹⁵. По сообщениям газет, некоторые солдатки, не имеющие работников, сами пашут, сеют, косят и мечут сено в стога. Вся мужицкая работа исполняется ими. Эти женщины имели право голоса и на сходах, которые в период войны часто становились «бабьими сходами».

Воздействие Первой мировой войны на самосознание женщин и новые перспективы их профессионально-общественной деятельности отмечалось, конечно, не только в России, но и в других воюющих государствах¹⁶.

Война породила и широкую общественную инициативу женщин. Многие из них подчинили свою работу потребностям фронта и тыла. Получило распространение движение сестер милосердия. Женские организации создавали курсы по их подготовке. Силами женщин открывались приюты для беженок, детские сады для детей солдат, бесплатно оказывалась юридическая помощь детям военнослужащих. Женские организации участвовали в пошиве белья для фронта, на заработанные средства открывали столовые для детей-сирот. Неудачи, сопровождавшие русскую армию на

---

¹¹ Воин и пахарь. 1916. № 37. С. 11.

¹² Орловские епархиальные ведомости. 1916. № 46—47.

¹³ Борисоглебское эхо. 1915. 26 авг.

¹⁴ В зарубежной западной литературе женская повседневность рассматривалась специально — см.: MARWICK, ARTHUR, *The Deluge: British Society and the First World War*, London 1965; GEISDORFF, U. *Frauen im Kriegsdienst 1914—1945*, Stuttgart 1969; MARWICK, ARTHUR, *Women at War 1914—1918*, London 1977; FRIDENSON, PATRICK (Hg.), *1914—1918: l'autre front*, in: *Mouvement social*, Н. 2, Paris 1977; MARWICK, ARTHUR, *War and Social Change in the Twentieth Century: A Comparative Study of Britain, France, Germany, Russia and the United States*, London 1979; LEED, ERIC J., *No Man's Land: Combat and Identity in World War I*, Cambridge 1979; KENNEDY, DAVID M., *Over Here: The First World War and American Society*, New York 1980; GREENWALD, MAURICE WEINER, *Women, War and Work: The Impact of World War I on Women Workers in the United States*, Westport/London 1980; BRAYBON, GAIL, *Women Workers in the First World War*, London 1981; REILLY, CATHERINE (Hg.), *Scars upon My Heart: Women's Poetry and Verse of the First World War*, London 1981; WALL, RICHARD und JAY WINTER (Hg.), *The Upheaval of War: Family, Work and Welfare in Europe, 1914—1918*, Cambridge/New York/Melbourne 1988; DANIEL, UTE, *Arbeitsfrauen in der Kriegsgesellschaft. Beruf, Familie und Politik im Ersten Weltkrieg*, Göttingen 1989.

¹⁵ По российскому законодательству женщина с 1877 г. допускалась пользоваться землей, если она наследовала «выбывшим из состава семейств лица мужского пола и заступала место домохозяев». Женщина получила право с 1890 г. «участвовать в сходах с правом голоса наравне с мужским населением» (*Абрамович К. Крестьянское право по решениям правительствующего Сената*. СПб., 1902. С. 100—101).

¹⁶ На эту особенность указывает в своей работе Э. Сюмеро «История и социология женского труда»: «В сфере труда война в некотором смысле как бы пошла на пользу женщинам... Мужчины мобилизованы, и женщины воспользовались этим необычным положением. Именно в 1914—1918 гг. они обрели недостижимую для них ранее экономическую независимость. И именно во время войны они начали коротко стричь волосы, укорачивать юбки. Миллионы мужчин, вернувшихся домой с фронтов, не узнали своих жен...» (*Сюмеро Э. История и социология женского труда / Пер. с фр. Р. Ф. Калистратовой и др. М., 1973*).

фронтах Первой мировой войны, вызвали к жизни новые женские инициативы. Был организован женский военно-народный союз добровольцев, в разных городах России появились женские отряды смерти¹⁷.

Серьезные перемены были внесены войной и в семейно-брачные отношения россиянок. Традиционно считалось, что война неизбежно вызывает сокращение числа свадеб, однако, наряду с этой тенденцией, просматривались и противоположные процессы. Семьи, которые прежде жили в гражданском браке, спешно «узаконивали» свои отношения. Вот как современники описывали эти скоротечные браки: «Нынешняя мобилизация породила чрезвычайно характерное бытовое явление. В целом ряде местностей отмечено резкое повышение приходящегося на июль месяц числа свадеб. Венчание происходило между лицами, 10—15 и более лет состоящих в браке, заключенном без церковного согласия. Было ясно, что к венчанию прибегли ввиду угрожающей на войне смерти, чтобы хоть как-нибудь облегчить положение женщины и детей, “не имеющих отца”»¹⁸. Действительно, только «законные» жены и дети могли рассчитывать на государственное пособие, выдаваемое за ушедшего на войну «кормильца».

Война вносила коррективы и в логику брачных союзов. Охотно стали женить и тех, кому предстояло идти на службу¹⁹, хотя раньше родители невест предпочитали выдавать своих дочерей только за вернувшихся со службы солдат²⁰. В годы Первой мировой войны были мобилизованы 16 млн мужчин, т. е. в 12 раз больше, чем в русско-японскую войну²¹. Поскольку война началась в конце лета, то на число вступивших в брак и родившихся в 1914 г. она еще не могла существенно повлиять. Таким образом, брачную рождаемость в 1914 г. следует рассматривать как в мирный год. Но уже с 1915 г. начало сказываться влияние «великой войны». Всего за годы войны уровень брачной рождаемости населения России сократился в 2 раза²². Влияние войны на брачность населения проявилось прежде всего в уменьшении числа заключенных браков, вызванном мобилизацией мужчин, гибелью их на фронтах, ранениями и болезнями²³.

Весьма занятной представляется и реакция некоторых солдаток на призыв мужа на войну. Конечно, для большинства женщин это явилось жизненной трагедией, вело к падению уровня жизни, ломало привычные семейные устои. Но часть солдаток открыто заявляли, что их жизнь после ухода мужа в армию стала лучше. Прекращались постоянные побои, унижения, пьяные дебоши. Женщина впервые в жизни получила

---

¹⁷ *Хасбулатова О. А.* Опыт и традиции женского движения в России (1860—1917). Иваново, 1994. С. 52.

¹⁸ Мир женщин. 1914. № 18.

¹⁹ Так, невиданным, по мнению журналистов, было брачное поведение в 1917 г.: «Село Россосшь. Борисоглебский уезд. У нас за последнее время участились бракосочетания. Женят по большей части тех, которым предстоит вот-вот идти на службу. Женят их почти лишь для того, чтобы приобрести в семью лишнюю рабочую силу. Женятся и пожилые вдовцы на осиротелых солдатках, мужья которых убиты на войне. Подобные невесты не помышляют уже о молодых мужьях, в особенности, если при них осталась куча детей» (Тамбовский земский вестник. 1917. 31 янв. — Далее ТЗВ).

²⁰ *Бернштам Т. А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988. С. 51. Эта тенденция была вполне устойчивой с проведения военной реформы 1874 г., когда сократился срок службы в армии и предпочтительнее было завести семью после службы.

²¹ См. подробнее: *Морозов С. Д.* Демографические потери России в годы Первой мировой войны // Народонаселение: Современное состояние и перспективы развития научного знания: Сб. докл. М., 1997. С. 138—147.

²² Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг. Пг., 1923.

²³ *Новосельский С. А.* Влияние войны на естественное движение населения // Тр. Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг. Пг., 1923. Вып. 1. С. 110.

возможность самостоятельно вести хозяйство, единолично распоряжаться деньгами²⁴. Это «пробуждение» женщины, рост ее самосознания, обретение новых качеств главы семьи в отсутствие мужа приводили к серьезным переменам в менталитете солдатских жен и реакции на это общественного мнения²⁵.

Получение казенного пособия и появление у женщины денег меняло их положение в семье, позволяло нередко самостоятельно формировать бюджет, осуществлять покупки, принимать собственные решения по обеспечению семьи. Понятно, что окружение солдаток никак не могло привыкнуть к подобной автономии и самостоятельности. И большая семья, в которой жила солдатка, и соседи неодобрительно относились к подобному «мотовству».

Для многих женщин-солдаток впервые в их жизни появилась возможность купить себе нарядную одежду, обувь, просто обновить гардероб. Конечно, большинство женщин отдавали значительную часть солдатского пособия в общий бюджет или клали деньги в банк, но оставляли деньги и на собственные нужды. Как признавались сами солдатки, до войны мужья часто пропивали деньги, одаривая их лишь иногда чаем да шелковым платочком²⁶. Теперь же, в военные годы, они сами могли решать, как и куда тратить деньги. Одна из солдаток призналась журналисту, что «получив паек, я прежде всего иду в лавку “отрезать” себе кусок материи, или купить обувь, чтобы не придти домой с деньгами, а то “старшие” отымут»²⁷. Получавшие пособия солдатки впервые могли самостоятельно расходовать деньги, обеспечивая себя и детей всем необходимым. В этих условиях понятной становится фраза, услышанная одним из корреспондентов «Тамбовского земского вестника» в августе 1916 г.: «Мы теперь воскресли, свет увидели. Дай, господи, чтобы война эта подольше прошла»²⁸.

К сожалению, сведения об интимной жизни россиянок мало доступны и не имеют массовых источников. Мы можем судить и узнавать о ней только из немногих воспоминаний, писем или косвенных свидетельств (например, роста числа внебрачных детей). В 1915—1916 гг. нередко военнопленные немцы и австрийцы размещались по крестьянским домам для оказания помощи «осиротевшим» семействам. Иногда между пленными и солдатками складывались и личные отношения²⁹. Известно, например, что военнопленные австрийцы (чаще всего сербы) нередко подавали рапорты с просьбой разрешить жениться на вдовой солдатке, которая тоже была не против такой перспективы, но, ссылаясь на условия военной поры, эти браки военными властями запрещались³⁰. Современники отмечали, с другой стороны, что война, разлука порой способствовали сближению супругов, находившихся на грани разрыва³¹.

²⁴ Женская жизнь. 1915. № 21. 7 нояб.

²⁵ В периодической печати военных лет часто солдаток упрекали за то, что они транжируют деньги, не отдают их свекрам в большую семью (Иванова Нужда и общественная помощь // Женский вестник. 1915. № 3. С. 64). Но обретение женщиной экономической самостоятельности и правомочности неизбежно толкало ее и к перемене своего облика. Не случайно в период войны произошли серьезные изменения и в женской моде: появление широких удобных юбок, простых блуз, стянутых впереди широким поясом. В этот период были очень популярны простые блузы, в моде оказались английские блузы из полосатого сукна, изящные блузки из легкого шелка и «солдатские блузы» из шерсти (Журнал для хозяек. 1915. № 20. С. 14; № 22. С. 17—18 и др.).

²⁶ Фаресов А. И. Народ без водки: (Путевые очерки). Пг., 1916. С. 35.

²⁷ Там же. С. 35

²⁸ ТЗВ. 1916. 9 авг.

²⁹ Зафиксировано немало случаев попыток изнасилования женщин пленными (ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5671. Л. 12—46).

³⁰ Там же. Л. 37, 98, 103.

³¹ Так, в статье «Война и личная жизнь», опубликованной в «Женской жизни», указывалось, что «будущему историку наших дней представится любопытная задача: проследить, в какой степени и каким образом отразилась война на внутренней жизни отдельных семейств. Изменились ли личные отношения в этих семьях? И наблюдатель, без сомнения, ответит на этот вопрос утвердительно. Вынужденная разлука — лучшая спайка для людей — есть такая истина. Муж, с которым жена жила весьма недружелюбно, ушел на войну. Присмотримся к психологии жены.

Война, будучи многомерным явлением, глубоко отражалась и в духовно-психологической сфере россиянок. Не случайно, в годы Первой мировой войны молниеносно распространялись слухи и суеверия. Женщины часто обращались к прорицателям и гадалкам, надеясь, что те сообщат им радостные вести и помогут «отыскать» своего ненаглядного. Надежда и вера в чудо, желание уберечь близких и что-то узнать о их судьбе толкали женские сердца к местным «пророкам»³². С самого начала войны в городах и селах российской провинции стали распространяться слухи о внутренних беспорядках, о необычайных победах немцев, о появлении шаек грабителей и т. п. Тяжелое, унылое, пессимистическое настроение жителей провинциальной России усиливалось неприятными сообщениями с фронта. Малодушные женщины, по сообщениям священников, «стали распространять мысли о кончине мира, о нарядах и усиленном питании, говоря: “все равно, бабы, конец; режьте кур, гусей; одевайтесь в лучшие одежды; все равно конец”»³³.

В то же время в период войны, с одной стороны, усиливались религиозные настроения женщин³⁴. Однако, с другой стороны, сами священники стали отмечать с 1915 г. усталость населения от войны и нежелание многих прихожан посещать храмы, отдавая предпочтение кинематографу и другим развлечениям³⁵. Впрочем, священники неодобрительно относились к молодым солдаткам. Вероятно, причины этого определялись несколькими факторами. Во-первых, традиционно подозрительным отношением, сложившемся в обществе, и оценках духовенства к статусу одинокой солдатки. По мнению священников, в условиях военного времени в семейной жизни россиянок стали наблюдаться «горькие явления: нижние чины, расквартированные в пригородах, зеленая молодежь военная — прапорщики, корнеты и прочие, оказались плохими блюстителями женских нравов и внесли много дезорганизующего в семьи городских обывателей». Кроме того, по отзывам многих благочинных, от прилива казенных денег в народе стала развиваться страсть к нарядам, к лакомствам. Многие солдатки, жившие прежде под гнетом нужды, теперь обулись в ботинки с галошами; в

Рисуя себе те лишения и те опасности, которым он подвергается, она несомненно пожалеет о том, что не дала ему в свое время нужного счастья... Постепенно чувство этого сожаления перейдет в тоску, а ряд этих тоскующих сомнений и раздумий являют собой уже благодатную почву для будущей радостной встречи. Таким образом, внося много горя в семейную жизнь, война в некоторых случаях может оказать свое положительное влияние» (*Вольт. Война и личная жизнь // Женская жизнь. 1915. № 7. С. 18*).

³² Женская жизнь. 1915. № 4. 22 февр.

³³ Курские епархиальные ведомости. 1915. № 41. С. 742.

³⁴ Сельские священники отмечали в своих отчетах, что «религиозность в народе повысилась, расширилась, главным образом, в сторону обрядовости. Это сказалось прежде всего на усердном посещении богослужений, в основном женщинами. Они стали неизмеримо больше подавать на просфоры о здравии и упокоении близких им людей. Число продаваемых просфор увеличилось в два и более раз. Усилилось усердие к заказным молебнам с акафистами и поминовением в них ушедших на войну, панихидам по убиенным. Сюда же должны быть отнесены и “живые сорокоусты”, то есть когда группа женщин собирает вкладчину сумму денег и заказывает отслужить сорок обеден о здравии ушедших на войну — кто мужа, кто сына, кто брата» (Тамбовский край. 1916. 9 окт.).

³⁵ Так, «Воронежские епархиальные ведомости» сообщали, что «в данное же время храмы, за редкими исключениями, пустуют. ...Храмы почти не посещаются молодежью, а взрослые, хотя и бывают в церкви, но, за редкими исключениями, не доставляют церковных служб, особенно в вечернее время... Одна из причин, по мнению автора, состоит в том, что в данное время кинематографы и театр привлекают публику больше, чем богослужение» (Воронежские епархиальные ведомости. 1915. № 4. С. 110). А пастыри г. Белгорода Курской губернии даже обратились в городскую думу с ходатайством о прекращении всех увеселительных зрелищ под воскресные и в праздничные дни, потому что «в шесть вечера начинается благовест во всех 16 храмах, а в пять вечера открывают свои огни “Орион”, “Эрмитаж”, “Биограф” и др. И люди шли туда, в эти злачные места, и стар и млад, и ведут детей. И музыка до полуночи» (Курские епархиальные ведомости. 1915. № 27/28. С. 502).

некоторых крестьянских хатах на святки виднелись ёлки, увешанные лакомствами и игрушками... Нередко молодые солдатки были и инициаторами этого нововведения³⁶.

Во-вторых, священники не были довольны обретением женщинами финансовой самостоятельности в результате выплаты солдатских пособий. И церковные иерархи дружно констатировали: к добру эти выплаты не ведут³⁷. Скорее всего, оценки духовенства относительно условий, в которых оказались солдатки, не совсем объективны: дело в том, что основная масса священников, дьяков и псаломщиков жила довольно бедно, поэтому на новую ситуацию они отреагировали очень болезненно³⁸.

В годы войны усилилось и стремление женщин к образованию, особенно желание солдаток научить грамоте своих детей. Это позволяло бы самим читать письма с фронта, а не обращаться за помощью к писарю или грамотному соседу, платя при этом 50—60 копеек за письмо в несколько строк. К тому же самостоятельное ведение хозяйства без мужа требовало элементарной грамотности.

Впрочем, война вносила в женскую повседневность не только позитивные моменты изменения их трудового статуса и ломки привычных стереотипов общественного восприятия. После введения «сухого закона», поддержанного абсолютным большинством женщин, в деревнях вместо пьянства распространялась карточная игра³⁹. По сообщениям периодической печати, солдатки, не видевшие раньше никогда в своих руках деньги, теперь пускали их в карточный оборот⁴⁰. Многие солдатки увлекались игрой в карты, которая заменяла прежнее времяпрепровождение. Развивалось и тайное производство самогона, который охотно поставляли воинским чинам те же солдатки⁴¹.

В период войны усилились и имущественные споры и конфликты, вызванные отсутствием мужей солдаток. Нередко родственники пользовались этим случаем, чтобы вытеснить солдатку из большой семьи, лишив ее части имущества. Весьма типично в этом смысле прошение солдатки Агафьи Степановны Гребенниковой, направленное 5 мая 1916 г. тамбовскому губернатору. Солдатка (заметим, что именно так называет себя эта женщина) просила защитить ее от притязаний брата мужа на дом, в котором она проживала с мужем до войны. Муж ее был призван в армию по мобилизации в 1914 г. и пропал без вести летом 1915 г.⁴²

В период Первой мировой войны 1914—1918 гг. особенно яркими, радикальными и бескомпромиссными были стихийные выступления россиянок. «Бабы бунты», как их называли современники, вызывались не только обостренным чувством несправедливости,

³⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2734. Л. 64.

³⁷ Епископы с удивлением отмечали: «В храмах можно видеть подавляющее большинство женщин, молебны, панихиды служат главным образом женщины... В некоторые моменты, когда церковь приглашает помолиться о здравии и спасении русского воинства, на поле брани со славой живот свой положивших, молитва наших женщин достигает прямо какой-то мистической высоты... Те же самые жены солдат, которые так усердно молятся в храмах, так усердно просят Бога о спасении сынов и своих мужей, вне храма, в своей повседневной жизни держат себя нахально вызывающе. Работать не желают, без конца требуют даровых пособий. Получая пайки, тратят безрассудно: на модные кофточки, галоши, духи и помады» (*Земцов Б. Н. Революция 1917 г.: Социальные предпосылки.* М., 1999. С. 98).

³⁸ Там же. С. 97.

³⁹ Из Борисоглебского уезда Тамбовской губ. сообщали: «Мы только что одержали победу над “зеленым змием” — на смену ему является картежная игра — один из тех пороков, которые народная мудрость охарактеризовала пословицей: “Казна” и “орлянка” — первая поганка”. В селе этот порок обратился в потребность, равносильную запою. Что прежде пропивалось, теперь проигрывается в карты. По селам появились игорные притоны» (ТЗВ. 1916. 30 июля); «На деньги, в двадцать одно, играют не только мужчины, но и женщины солдатки, “германки”, как их именуют» (ТЗВ. 1916. 20 окт. и др.).

⁴⁰ Добрая половина солдаток в Кирсановской округе, сообщал «Тамбовский листок», как получают «паек», сейчас же несут его в карточную игру, и многие проигрывают все до копейки (Тамбовский листок. 1915. 6 февр.).

⁴¹ Борисоглебское эхо. 1916. 1 мая.

⁴² ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9327. Л. 428.

усталости от войны, озлоблением против нерасторопности властей по обеспечению семей призванных на войну, но всем укладом российской действительности, правовым статусом россиянок, которым постоянно приходилось доказывать свою самостоятельность и самодеятельность, добиваться равноправия в профессиональной сфере и в общественном восприятии.

Заметим, что женское бунтарство являлось составной частью общероссийских тенденций радикализации настроений в обществе, роста погромного движения, стремления самостоятельно, «разом» решить накопившиеся проблемы. Нередко, если это касалось деревенских выступлений, односельчане попросту использовали солдаток, как щит или «таран», надеясь, что баб простят или войска не будут стрелять в безоружных женщин. Еще одной особенностью женских бунтарских выступлений была их скоротечность и эмоциональный подъем, накал страстей. Как правило, увлеченные общим порывом, психологически заражаясь, многие женщины плакали потом на допросах, просили не губить их и их семьи, раскаивались в своем «неадекватном» поведении. Нам представляется, что подобные спады и подъемы женских настроений являлись вполне типичными для кризисных периодов российской истории, которым являлось и начало XX в., когда войны и революции ломали привычный уклад российской повседневности, вносили нестабильность в общественное сознание и пробуждали в населении настроения неуверенности в завтрашнем дне, обостряли недовольство властями, усиливали агрессивность и протестные проявления.

Наиболее часто бабьи бунты проходили в крестьянской среде. В Центральном Черноземье, например, недовольство солдаток было связано главным образом с нежеланием продолжать выделение из общины хуторян и отрубников. Общинники категорически отказывались проводить межевание земель до возвращения мобилизованных домохозяев, надеясь, что после окончания войны все земли останутся в общине, а помещичья земля тоже перейдет в крестьянские руки⁴³. В городах солдатки,

---

⁴³ Не случайно, например, в донесении помощника Воронежского ГЖУ П. В. Тарасова начальнику управления М. А. Конисскому о причинах волнения крестьян с. Козловки Бобровского у. 14 августа 1914 г. отмечалось, что «беспорядки возникли главным образом через жен запасных нижних чинов, призванных на службу по мобилизации, а ближайшим поводом... послужил отказ землемера исполнить просьбы жен запасных призванных отложить размежевку земель, купленных местным богачом Филатовым, до тех пор, пока не будут убраны хлеба, которые могут быть попорчены от размежевки, и пока не вернутся домой их мужья... В конце концов землемер, уступая силе, принужден был прекратить размежевание, но разъяренные женщины... устремились на дом богача, выбили в окнах и дверях стекла, ломали, грабили вещи, а затем двинулись бесчинствовать и над домами других собственников. С приездом властей беспорядки прекратились... В буйстве принимали участие и некоторые мужчины и большое количество

недовольные «хвостами» и укрывательством торговцами товаров и продуктов, часто громили хлебные лавки⁴⁴.

Таким образом, бунтарские проявления недовольства солдаток своим положением, военными повинностями, дороговизной, несправедливым распределением пособий в период Первой мировой войны прокатились по всей стране. Разгромы магазинов, протесты против бесконтрольного роста цен, отказа в выплате пособий состоялись в Астраханской, Таврической, Тамбовской⁴⁵ и других губерниях⁴⁶.

Почему же невыдача пособия вызывала такой протест? Каким было оно, это казенное пособие? Еще 26 июня 1912 года был принят закон о призрении государством семей солдат, призванных на войну, то есть путем выплаты казенного пайка их женам и детям. Размер пособия на одного призреваемого составлял не менее 1 пуда 28 фунтов муки, 10 фунтов крупы, 4 фунтов соли, 1 фунта постного масла в месяц. Дети до 5 лет получали только 50% стоимости пайка⁴⁷. Однако на пособие не могли претендовать, как и раньше, в период русско-турецкой 1877—1878 гг. и русско-японской войны 1904—1905 гг., родители призванного, приемные дети, гражданские жены, другие родственники. Забота о них возлагалась на общество, которое, как и прежде, не всегда откликалось на призыв о помощи.

Поэтому все женщины-солдатки стремились добиться выдачи этого казенного пособия. Сохранилось немало свидетельств, что нередко просили его и те, кто в нем и не нуждался. Вероятно, сказывалось проявление общинной психологии, что все надо делить на всех и поровну⁴⁸.

Заметим, что на назначение пособий семьям призванных на войну влияли многие факторы. Ходатайства о назначении таковых или их отмене посылались не только семьями призванных, но и самими мобилизованными. Поскольку государство явно не желало помогать всем «страждущим», то оно использовало малейшие поводы для сокращения количества «иждивенцев». При этом широко поощрялась система

подростков-мальчишек. ...Женщины, накануне буйствующие, теперь плачут, боясь, что их лишат казенного пособия, и просят всех не выдавать их на допросы. ...Надо прекратить на время войны землемерные работы в поле... так как призываемые запасные внушают своим женам не допускать к таким работам и громить укрепляющих за собой землю» (Крестьянское движение в России в годы первой мировой войны: (Июль 1914 — февраль 1917 г): Сб. док. / Ред. А. М. Анфимов. М., 1965. С. 82). Всего в губернии было разгромлено 25 усадеб. А крестьяне кричали солдаткам: «Бейте, бабы, ваши мужья на войне, вам ничего не будет» (Там же. С. 62). Действительно, власти чаще всего вынуждены были ограничиваться передачей «смутьянок» под надзор полиции, потому что их мужья находятся на войне и на руках у них остались малолетние дети и хозяйство.

⁴⁴ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5798. Л. 16, 98, 110, 127.

⁴⁵ В селе Знаменское Тамбовского уезда при раздаче пособий на покупку топлива семьям запасных и ратников многие солдатки посчитали себя обделенными, и «обойденные стали открыто выражать свое неудовольствие, и едва не произошел “бабий” бунт, сорвали знак с сельского старосты, оскорбили и урядника». В соседнем селе Лысые горы в том же 1915 г. «солдатки ругали уполномоченных “на чем свет стоит”. В помещении ссудо-сберегательного товарищества, где происходила раздача денег, опрокинули мебель, содержимое чайного стола, закуски и сласти разграбили. Затем две солдатки отправились с жалобой к земскому начальнику в Тамбов на то, что уполномоченные вместе со своим председателем будто бы обошли пособием самых бедных, а записали вместо них своих родственников» (Тамбовский листок. 1915. 28 янв.).

⁴⁶ *Анфимов А. М.* Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.). М., 1987. С. 355.

⁴⁷ *Авербах О. И.* Законодательные акты, вызванные войной 1914 года. Вильнюс, 1915. С. 107—115.

⁴⁸ Газета «Тамбовские отклики» отмечала, что «просят многие и из тех, кто не нуждается в пособии, надеясь, авось дадут. Жена зауряд-прапорщика просит о пособии, хотя муж получает приличное жалованье. Просят о пособии жены сторожей института благородных девиц и реального училища, хотя Министерство народного просвещения оставило за отбывшими на военную службу сторожами полное жалованье» (Тамбовские отклики. 1914. 8 авг.).

доносительства. Так, матери двух мобилизованных сыновей Марии Федоровне Бударгиной было отказано в пособии на том основании, что она находится на попечении своего второго мужа⁴⁹. Однако, если семья мобилизованного по закону должна была получать пособие, то никакие моральные нормы, к примеру неверность жены, не могли помешать этому. Так, Андрей Горбунов ходатайствовал о прекращении выдачи пособия своей жене Матрене Ефимовне в силу ее беспутного поведения. Но это прошение не было удовлетворено, так как «их брак не был расторгнут, а в законе на случай порочного поведения супруги никаких возможностей не оговорено»⁵⁰.

Очень многие солдатки часто не могли получить и назначенное им пособие⁵¹. С другой стороны, в годы войны отмечались и случаи мошенничества, когда солдатские жены получали паек за умерших детей или, если детям уже исполнилось 17 лет, когда выдача пайка прекращалась. Но все же положение многих семей призванных, особенно в городах, было катастрофическим. Вполне достоверным и системным источником повседневной жизни российских солдаток военной поры могут служить опросные листы, по которым проверялось имущественное положение солдатских семей и проводилось обследование нуждаемости. Опросные листы, по мнению одного из переписчиков — А. Смирнова, свидетельствовали о страшной нужде просителей. Из 600 семей, обследованных в Тамбове, всюду беспросветная нужда. Вырванный из семьи кормилец перевернул вверх дном весь уклад жизни семьи, оставшейся буквально без всяких средств, даже без надежды на что-нибудь лучшее: «Вот семья, жившая хорошо, так как запасной получал 45 рублей в месяц. Теперь мебели нет, вещи заложены в ломбарде. Трое детей, один из которых грудной, а денег нет ни копейки и неоткуда больше взять их. Вот семья плотника, получавшего до 40 рублей в месяц. Осталась мать с четырьмя детьми... Начали продавать вещи. Должны за квартиру 8 рублей. Помощи ждуть неоткуда. Сама мать больна. Дети полураздеты. Просит одежды... Семья служащего в банке, получавшего 25 рублей в месяц, очутилась в ужасном положении: мать разута, раздета, горячего не варит, нет дров. Ребенку надо молоко, а достать неоткуда»; «Это почти сплошь матери, обремененные многочисленным семейством. Есть матери, у которых осталось на руках 9 человек детей, а средств никаких. Из опросных листов: “Я застал на квартире, — пишет один из обследователей, — самую полную нужду. Жена и четверо детей. Вещей никаких, детишки разуты... Ей уже нигде не верят в долг и настоятельно требуют уплаты. Скоро будут сидеть без хлеба”»; «Положение самое отчаянное, — пишет другой обследователь. — Маленькая грязная комната, в которой размещаются 10 человек, из которых 8 детей. Здесь же стирают. Обстановки никакой. Квартира в подвале. Воздух спертый... Заложить нечего. Едят постные щи, пьют чай с черным хлебом... Пособий, кроме получаемых из городской управы 5 рублей 50 копеек, и не ждуть ниоткуда. Это семья сторожа, получавшего 18 рублей в месяц и жившего раньше так или иначе сносно. Семья железнодорожного слесаря, очутившаяся без средств, состоящая из жены, пятерых детей и матери-старухи, переселилась прямо в сарай, кое-как приспособив его к жилью. Выбитые из колеи, оставшиеся без кормильцев, семьи бедняков в первую голову спешат добыть несколько рублей залогом вещей в ломбард. Имущество убогое, половина вещей уже заложена, остались незаложенными только кровать и самовар, должны за квартиру 10 рублей и т. п.»⁵² Эти горькие свидетельства повседневности российских солдаток и членов их семей рисуют удручающую картину их экономического благосостояния.

⁴⁹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9449. Л. 56.

⁵⁰ Там же. Д. 2325.

⁵¹ «Ходили, ходили в управу — не можем пособия получить... Хоть с голоду помирай: мужей в солдаты взяли, а тут об нас и думать не хотят... Из-за поздней записи солдаток, ведомость отсылали для санкции уездного съезда, затем в губернское правление, оттуда в МВД в Санкт-Петербург. Канцелярщина нас заела. По словам баб, некоторые из них записались месяц, полтора назад, а пособия все нет» (Борисоглебский листок. 1914. 5 окт.).

⁵² Тамбовский край. 1914. 29 авг.

Конечно, нужда в пособии в городе и в селе была различной, и эта проблема требует специального рассмотрения, однако именно это «казенное» пособие во многом определяло экономическое положение семей призванных и статус женщины в семье. Получавшая пособие женщина, как правило, пользовалась благосклонностью в большой семье, являясь уже не нахлебницей, а «кормилицей». Крестьяне нередко отказывались делать пожертвования, если узнавали, что они пойдут на помощь солдаткам. Односельчане считали, что пособие выплачивается слишком большое и солдатки в помощи общества не нуждаются⁵³.

Необходимо ясно представлять, что для солдаток в деревне казенное пособие было серьезной финансовой поддержкой, которая позволяла им откладывать деньги, тратить их не только на развитие хозяйства, но и на одежду для себя и детей, улучшенное питание и т. п. Еще в период войны проводились обследования семейных бюджетов солдаток. Так, профессор Сиринов, взяв одну волость Тамбовской губернии — Талицко-Тамлыйскую, и используя как сведения волостных и сельских правлений, так и данные церковных книг и свидетельства очевидцев, сравнил доходы и расходы россиянок в довоенном 1913 г. и сведения за 1915—1916 гг. Проведенное обследование опровергло представление о громадном значении военных пособий, которые «якобы падают на крестьянское хозяйство золотым дождем». По мнению исследователя, паек нередко не попадал в семейный бюджет, в общее хозяйство, а тратился солдатками на наряды, не останавливавшимся перед высокими ценами⁵⁴.

Имеется и еще немало способов для оценки реальной нуждаемости крестьянских семей в помощи. В частности, такими информативными источниками могут служить описания имущества солдатских семей, пострадавших от пожара или других стихийных бедствий, например градобития. Так, в июле 1915 г. земский начальник 3-го участка Елатомского уезда, обследуя последствия градобития для жителей села Нармы и деревни Степановки, пришел к заключению, что «хотя пострадало 175 дворов, но нужды в обсеменении полей и продовольствовании крестьяне не встретят». Большинство крестьян на вопросы о необходимой помощи отвечали, что «помощи не требуется — обойдусь». У многих крестьян имелись в кассах некоторые сбережения, другие занимались дополнительно кустарными промыслами и ремеслами, рассчитывая, что этот заработок покроет их убытки от градобития в поле. В то же время уездный исправник назвал пять семей (что составляло менее трех процентов пострадавших), которые нуждались в экстренной помощи. Представляется, что эти семьи и до градобития испытывали сильную нужду, которая лишь была усугублена природной стихией. В деревне Степановке проживал Иван Шаров, которого после парализации отпустили из армии домой. Работать сам он не мог, но на его иждивении было семь человек: дети 16, 14, 10, 8 и 2 лет, жена и 80-летняя теща. Из имущества — плохая лошадь, корова, свинья и телок⁵⁵. В селе Нарме хозяин двора Федор Марьянкин сам был на войне, а дома остались жена и трое детей — 5, 3 и 0,5 г. Имущество — корова и две овцы. У Евдокима Лысова, мобилизованного на фронт, дома остались: больной отец, жена и пять детей: 9, 7, 4, 2 и 0,5 года и тринадцатилетний брат. Имущество: лошадь, корова, три овцы и свинья⁵⁶. У фронтовика Максима Чайникова дома остались жена и пять человек детей: 12, 10, 8, 5 и трех лет. Имущество: лошадь и корова. У Федора Коноплева дома была жена и четверо детей в возрасте 8, 6, 4 и трех лет. Имущество: лошадь и корова. И, наконец, Павел Щербаков оставил дома жену и пятерых детей — 10, 7, 5, 4 и 2 лет. Имущество: лошадь, корова и

---

⁵³ Фаресов А. И. Народ без водки: (Путевые очерки). Пг., 1916. С. 39.

⁵⁴ Дело. 1916. № 1. С. 81.

⁵⁵ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9156. Л. 514.

⁵⁶ Там же. Л. 514 об.

овца⁵⁷. Заметим, что во всех семьях призванные на войну явились единственными кормильцами и с их призывом семьи оказывались в бедственном положении.

В городах ухудшение положения семей запасных нижних чинов происходило по причине быстрого роста оплаты за жилье и нежелания владельцев квартир учитывать проблемы с задержкой или невыплатой пособий семьям солдаток. Домовладельцы старались, конечно, использовать свое юридическое право и обращались в суд, а потом, получив исполнительные листы, добивались освобождения своих квартир от «ненадежных» семей призванных на войну запасных. Отмечались случаи, когда на улицы вышвыривались и многодетные солдатки⁵⁸.

Полная неопределенность ожидала солдатку в случае, если ее муж пропал без вести. В этой ситуации солдатская жена лишалась не только пособия, но и юридической дееспособности. Она не могла выступать в суде в качестве самостоятельного лица, ибо с нее требовали доверенности от мужа. У нее отсутствовал и вдовый вид, чтобы обратиться в благотворительные заведения и организации⁵⁹. Лишались права на получение продовольственного пособия и семьи запасных нижних чинов, бежавших со службы или сдавшихся в плен неприятелю без оружия⁶⁰.

Работу по оказанию помощи семьям солдаток вели и общественные комитеты, создаваемые при городских самоуправлениях и земствах. Их деятельность охватывала следующие направления: 1) оказание юридической помощи устройством справочных бюро, составлением прошений и возбуждением по ним всякого рода ходатайств; 2) доставка продовольствия, добавляемого к казенному пайку; 3) поиск бесплатного помещения с отоплением тем семьям, которые не имели собственного или дарового приюта; 4) оказание мирской помощи в хозяйстве при уборке сена, хлеба, вспашке, молотье, рубке и заготовке дров, в ремонтах изб и хозяйственных построек семьям нижних чинов, находящихся на действительной службе, а также семьям внебрачных, не имеющих права на получение казенного пособия; 5) найм работника для поддержания хозяйства; 6) обсеменение полей; 7) организация бесплатной медицинской помощи; 8) устройство лазаретов; 9) устройство детских приютов, общежитий, мастерских и т. д.; 10) оказание помощи учащимся детям нижних чинов вносом платы за право учения, покупка книг и др.; 11) заготовка топлива для нижних чинов⁶¹. Очевидно, что без этой общественной помощи семьи солдаток не могли бы продержаться⁶². Впрочем, в некоторых регионах, например богатой хлебом Тамбовской губернии, уже с октября 1915 г. земства перестали оказывать помощь обойденным казенными пособиями, мотивируя это тем, что выдался хороший урожай, сложились высокие цены на рабочие руки и все нуждающиеся могут сами себя обеспечить⁶³.

Особое значение в призрении семей призванных на войну нижних чинов имели Дамские комитеты, которые создавались повсеместно. Проанализируем деятельность первого полугодия войны (с 1 августа по 19 декабря 1914 г.) Лебедянского Дамского комитета помощи раненым воинам. Всего было собрано деньгами — 2 448 рублей 43 коп.,

---

⁵⁷ Там же. Л. 514 об.

⁵⁸ Воронежский телеграф. 1915. 1 февр.

⁵⁹ ТЗВ. 1916. 26 окт.

⁶⁰ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9326. Л. 4.

⁶¹ Отчет состоящего под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством общества повседневной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям за 1915 г. Пг., 1916. С. 15.

⁶² Подробнее об оказании общественной помощи семьям солдаток см.: Иванова Н. Нужда и общественная помощь // Женский вестник. 1915. № 3. С. 62—65; Щербинин П. Повседневная жизнь россиянок в период Первой мировой войны 1914—1918 гг. // Женщина и война в поэзии и повседневности Первой мировой войны 1914—1918 гг. / Авт.-сост. А. И. Иванов, П. П. Щербинин. Тамбов, 2001.

⁶³ ТЗВ. 1915. 15 окт.

из них: от кружечного сбора — 545 руб., от двух спектаклей — 528 руб., по подписному листу и от случайных жертвователей — 1 375 руб. 15 коп. Вещевые пожертвования были более значительными: рубах — 351, кальсон — 254, чулок — 281 пара и пр.⁶⁴

Организация яслей для детей призванных не всегда находила поддержку у солдаток. Так, в г. Борисоглебске были организованы ясли для детей призванных, но их вскоре пришлось ликвидировать, так как жены запасных не привыкли уходить на заработки из семьи и им казалось неподходящим уносить детей утром и приходиться за ними вечером, тогда как они сами могли присматривать за детьми дома. Ссылались на отсутствие одежды, обуви, боялись простудить детей. Многие просили дать им в семью те 17—18 копеек, которые составляли дневной расход на ребенка⁶⁵.

Проблема с выдачей солдаткам пособия, участие различных земских и других общественных организаций требует дополнительного изучения и обобщения, прежде всего с помощью информационных технологий, когда огромные массивы фактического материала анализируются с высокой точностью, позволяя выявить как степень действительной нуждаемости солдатских семей, так и социально-демографические особенности, правовой статус россиянок военной поры.

Подводя итоги экскурса в женскую повседневность периода Первой мировой войны, можно заметить, что она сыграла в женской судьбе и конструировании будущего россиянок важную роль⁶⁶. Являясь трагедией и бедой в семейной, личной жизни женщины, война смогла уничтожить те препятствия и барьеры, которые в мирное время всегда стояли на пути женщины в ее самореализации, ликвидации неравенства, достижении равноправия в профессионально-общественном статусе и обыденной жизни. Новая повседневность россиянок стала важным трамплином в их семейной и общественной самореализации в жизни, которая сложилась в России в 1917 г. На наш взгляд, не революции сумели «расторгнуть», пробудить самостоятельность и самодеятельность россиянок, внести перемены в общественное сознание российского общества по отношению к женщинам, а именно Первая мировая война 1914—1918 гг. явилась той «лапмусовой бумажкой», которая «проявила» многогранные возможности и потребности россиянок кризисного периода Российской истории.

---

⁶⁴ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9155. Л. 3—4.

⁶⁵ Там же. Л. 281.

⁶⁶ Из зарубежных исследований отметим работы американских и английских историков: Meyer, A. G. *The Impact of World War I on Russian Women's Lives* // В. Е. Clements; В. А. Engel, С. D. Worobec (eds.). *Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation*. Berkeley, Calif., 1991. P. 208—224; Mcdemid, J. and Hilyar, A. *Women and Work in Russia 1880—1930*. London, 1998. P. 139—211; и др.